

Токмашев Д. М.

О ПРЕДИКАТИВНОЙ ПОСЕССИВНОСТИ В ТЕЛЕУТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Отношения предикативной посессивности в телеутском языке как языке *Esse*-типа выражаются внутри именных групп, в которых выделяются три основные стратегии кодирования согласно типологии Л. Стассена: а) локативный посессив; б) комитативный посессив; в) топикальный посессив.

Стратегия локативного кодирования посессивности используется при отчуждаемом обладаемом, которое играет роль грамматического субъекта, а посессор находится в косвенном локативном падеже. Предикация выражается неизменяемыми именами наличия / отсутствия *bar* и *joq*. В утвердительных предложениях предикат наличия может опускаться, если логический субъект – непосредственно обладаемое, и сохраняется, если логический субъект – сам факт наличия или обладания. Комитативное кодирование посессивности является синтаксической инверсией локативной стратегии. Логическим и грамматическим субъектом комитативной конструкции является посессор, а вершинно-маркированным предикатом – проприетив с аффиксом **-liy*; главная функция конструкции – атрибутивная. Наиболее частая стратегия кодирования предикативной посессивности в телеутском языке – топикальный посессив, и его разновидность – генитивный посессив. Глагольная стратегия кодирования посессивности имплицитно выражается переходными глаголами ‘держать’, ‘получать’ и т.д.

Ключевые слова: тюркские языки, телеутский язык, посессивность, предикация; актуальное членение предложения.

Посессивность являет собой универсальную, присущую всем естественным языкам семантическую категорию, в рамках которой интерпретируются как ядерные отношения непосредственно обладания и принадлежности, так и более широкий спектр корреляций членов именной группы, включая партитивные, бытийные, локативные, атрибутивные отношения и т.д., находящиеся ближе к периферии данной категории. Эти модели отношений согласуются с «узким» и «широким» пониманием посессивности в лингвистике (Гращенко, 2007: 25).

Другим примером сегментации категории посессивности является ее обязательное деление на атрибутивную (именную) и предикативную (глагольную), с вычленением *Habeo*- и *Esse*- типов языков в рамках последней, ср. «бицентрическая структура ФСП определяется различием атрибутивной и предикативной функций» (Бондарко и др., 1996: 99).

Данные типы посессивности не являются в широком смысле ни взаимоисключающими, ни дополнительно-дистрибутивными, и зависят как от структурных, так и от семантических (функциональных, когнитивных) характеристик языков – и именные, и глагольные притяжательные конструкции могут быть как генетически связанными, так и восходить к разным морфосинтаксическим единицам (Stassen, 2009: 27; Heine, 1997: 27). Тем не менее, Л. Стассен указывает на несомненную смысловую дивергенцию этих двух типов, отмечая, что семантика атрибутивных посессивных конструкций значительно шире, чем семантика предикативных. В качестве собственно предикативных посессивных конструкций исследователь рассматривает утвердительные предложения, кодирующие отчуждаемую принадлежность, в которых посессор является топиком, а объект обладания не претерпевает количественных, либо качественных изменений (Stassen, 2009: 35). Б. Хайне отмечает, что в предикативных посессивных конструкциях семантика обладания выражена ассертивным компонентом (*I have a credit card*), а в атрибутивных – пресуппозиционным (*my credit card < I have a credit card*) (Heine, 1997: 26).

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФНФ: грант №15-04-00406а «Типология категории посессивности на материале языков Обско-Енисейского ареала».

Тюркские языки классифицируются как языки *Esse*-типа, в которых отсутствуют глаголы с узкоспециализированным посессивным значением вроде рус. ‘иметь’; ‘принадлежать’ или англ. ‘to have’; ‘to belong’, а предикативно-посессивные отношения в основной массе тюркских языков выражаются с помощью предикатов наличия / отсутствия и бытийных связок (в том числе с нулевой формой выражения) в нежестком сочетании с генитивом и локативом атрибута (посессора).

Например, предикативная посессивность в турецком языке в общем виде представлена в таблице (Stolz et al., 2008: 461) в виде двухступенчатой схемы:

Предикативная посессивность в турецком языке

обладаемое:	неотчуждаемое	отчуждаемое	
		постоянное	временное
маркирование посессора:	{генитив} (1)	{генитив} (2)	{генитив} (3) {локатив} (4)

(1) *Dursleyler'in bir de oğulları vardı*
 Dursley:PL:GEN INDEF too son:POR:PL:3 EXI:PAST
 ‘The Dursleys also had a son.’ (Stolz et al., 2008: 457).

(2) *senin kendi süpürgen var mı*
 you:GEN self broom:POR.2SG EXI Q
 ‘Do you have your own broom-stick?’ (Stolz et al., 2008: 457).

(3) *bir planı vardı*
 INDEF plan:POR.3SG EXI:PAST
 ‘He had a plan.’ (Stolz et al., 2008: 457)

(4) *bende beş yüz tane var*
 I:LOC 500 piece EXI
 ‘I have 500 (pictures).’ (Stolz et al., 2008: 459).

К тюркскому материалу при построении типологии предикативной посессивности также обращается Л. Стассен. Он выделяет четыре базовых типа посессивных конструкций, три из которых являются синтаксически непереходными и объединяются на этом основании в группу, противопоставленную четвертому, синтаксически переходному, типу.

Синтаксически непереходные конструкции кодируют предикативную посессивность с помощью локативных и/или бытийных предложений, в которых предикат имеет морфосинтаксический статус глагола, частицы или даже нуля, в зависимости от типа языка (Stassen, 2009: 49).

Крупнейшим из трех конструкций этой группы в языках мира является *локативный* или *локационный посессив* (**the Locational Possessive**), где обладаемое играет роль грамматического субъекта при локативном/бытийном предикате с общим значением ‘быть’ и посессоре в косвенном падеже. Общий вид данной конструкции имеет форму:

[*at/to X, (there) is/exists an Y*], т.е.

[*y X (в сфере X) есть/имеется/существует Y*].

Тюркский пример, приводимый Стассеном на локативный посессив (в якутском отмечается синкретизм датива и локатива):

- (5) як. *Mijiä-chä* *taba* *baar*
 1SG-DAT reindeer exist
 ‘I have reindeer’ (Stassen, 2009: 51).

Примеры локативного посессива в телеутском языке²:

- (6) тел. *anda* *liniya-aŋ* *aari* *janin-da*
 там линия-GEN PSTP PSTP-LOC
söök-ler *pol-yon* *emdi* *daže* *joq*
 кость-PL COP-PST сейчас даже EXI.NEG
 ‘Там, за линией, кладбище было, теперь даже нет (его)’ (Токмашев М. Г.).

- (7) тел. *pistiŋ* *klup-ta* *par*³ *sarna-š-jatan*
 1PL.GEN клуб-LOC EXI петь-COM-PTCP
teleŋet *qaliq-tiŋ* *ansambil-i*
 телеут народ-GEN ансамбль-POSS.3SG
 ‘В нашем клубе есть ансамбль песни телеутского народа’ (Тыдыкова Н. Н.).

В качестве второй синтаксически непереходной конструкции выделяется тип, обозначенный исследователем как **the With-Possessive**, условно – *совместный* или *комитативный посессив*, являющийся, в некотором смысле, зеркальным отражением локативного посессива с инвертированными актантами ролями посессора и обладаемого. В конструкциях данного типа посессор является грамматическим субъектом, а общий вид конструкции сводится к:

[X is/exists with an Y], т.е.

[X является/существует имеющим Y].

В тюркских языках этот тип также присутствует, и выражается проприетивным прилагательным на *-liŋ с нулевой бытийной связкой (роль сказуемого выполняет обладаемое):

- (8) як. *Kihi* *ogo-looch*
 man child-having
 ‘The man has children’ (Stassen, 2009: 357).

- (9) тув. *Bis* *mašina-lig* *bis*
 1PL car-adj 1PL
 ‘We have a car’ (Stassen, 2009: 357).

Примеры комитативного посессива в телеутском языке:

- (10) тел. *aaŋ* *aba-zi* *jaqšï* *äne-zi* *jaqšï*
 3SG.GEN отец-POSS.SG хороший мать-POSS.3SG хороший
jurt-i *qaliŋ* *neme-lü*
 род-POSS.3SG толстый вещь-PROP
 ‘У нее отец и мать хорошие, род многочисленный, имущий’ (Шадеева В. Е.).

² Примеры информантов выбраны из корпуса телеутских текстов, собранных при поддержке гранта SOAS ELDP SG-0227 в 2013–2015 гг.

³ Здесь и в примере (14) использование предикатных имен *bar* / *joq* ‘иметься / отсутствовать’ в середине, а не в конце предложения не грамматично; вероятно, это объясняется интерференцией с русской конструкцией ‘у X есть Y’. Традиционная схема простого предложения в тюркских языках – SOV.

- (11) тел. *serdiŋ* *qiča* *qiliš-tu* *ba*
 2SG.GEN баран сабля-PROP QUES
 ‘У вашего барана сабля есть?’ (Телеутские сказки: 20).

Негация осуществляется грамматически с помощью слова *emes* ‘не’ в постпозиции, например: *ol palalu* ‘у него есть дети’ < ‘он (есть) детный’ / *ol palalu emes* ‘у него нет детей’ < ‘он (есть) детный-нет’.

В конструкциях третьего типа – **the Topic Possessive** (*топикальный* или *тематический посессив*) – посессор играет роль логического субъекта (топика), а обладаемое – грамматического (подлежащего). Общий вид конструкции:

[(*as for*) X, Y *is/exists*], т.е.

[*что касается/говоря о X, Y имеется/существует*].

Для данной стратегии кодирования Стассен не приводит тюркских примеров. Тем не менее, мы предполагаем, что топикальными являются посессивные конструкции с притяжательным местоимением (или без него) и бытийным предикатом наличия (12, 14) / отсутствия (13) / существования (15) или нулевой копулой (16), в которых обладаемое маркируется посессивным аффиксом, характеризующим посессора (12, 13, 15) или не получает вершинного маркирования (14, 16). Примеры:

- (12) тел. (*seniŋ*) *pir* *uul-iŋ* *par*
 (2SG.GEN) один сын-POSS.2SG EXI
 ‘У тебя (есть) (один) сын’ (пример наш);

- (13) тел. *keče* (*meeŋ*) *küüini-m* *joq* *pol-yon*
 вчера (1SG.GEN) желание-POSS.1SG EXI.NEG COP-PST
 ‘Вчера у меня не было желания’ (пример наш);

- (14) тел. *anaŋ* *pistiŋ* *par* *pajram* *jaŋi* *jil*
 потом 1PL.GEN EXI праздник новый год
 ‘Потом, у нас есть праздник Жаңы Ыл (рус. Новый Год)’ (Тарасова М. Н.).

- (15) тел. *aaŋ* *id-i* *pol-yonjaan* *ämes* *le*
 3SG.GEN собака-POSS.3SG COP-PST большой NEG PTCL
 ‘У него была собака, небольшая’ (Шадеева В. Е.).

- (16) тел. *meeŋ* *samiŋ* *staršij* *uul-im miša*
 1SG.GEN самый старший сын-POSS.1SG Миша
 aaŋ *eki* *pala* *eki* *qis*
 3SG.GEN два ребенок два девочка; дочь
 ‘Мой самый старший сын Миша, у него двое детей, две дочки’ (Алтарышева Д. В.).

В рассматриваемых примерах (кроме 14 и 16) обладаемое является грамматическим подлежащим, оформленным таким образом, что оно указывает на посессора. Например, (12) можно интерпретировать, как *ты выполняешь действие по обладанию одним ребенком*, т.е. являешься логическим субъектом высказывания (топиком).

В случаях, когда обладаемым является неотчуждаемый объект (родственник или часть тела), топикальный посессив, если допустить его существование в тюркских языках, является предпочтительной стратегией, тогда как при отчуждаемом обладаемом, особенно если оно временное, топикальный посессив конкурирует с локативным, что, в принципе, согласуется со схемой, приведенной в таблице.

Сравним предложения (примеры наши):

отчуждаемое обладаемое

топикальный посессив

(17.1) тел.

ij-dij jaŋi kriša-(zī)
дом-GEN новый крыша-(POSS.3SG)

par

EXI

‘У дома новая крыша’

локативный посессив

(17.2) тел.

ij-de jaŋi kriša (par)
дом-LOC новый крыша (EXI)

неотчуждаемое обладаемое

топикальный посессив

(18) тел.

aba-m-niŋ eki
отец-POSS.1SG-GEN два

qis-tar-(i) par

дочь-PL-(POSS.3SG) EXI

‘У моего отца две дочери’

локативный посессив

X

Можно сделать предварительный вывод, что топикальный посессив в тюркских языках требует предиката – бытийного или количественного, при этом посессивное оформление обладаемого – грамматического субъекта – остается факультативным. Топикальный посессив – предпочтительная или даже единственно возможная стратегия кодирования неотчуждаемой принадлежности в телеутском языке⁴. Поскольку посессор в конструкциях с топикальным посессивом всегда оформляется родительным падежом, Л. Стассен выделяет их в отдельную подгруппу – **the Genitive Possessive** (*генитивный* или *применный посессив*) вида [*X’ Y is/exists*], т.е. [*Y, принадлежащий X-у, имеется/существует*] (Stassen, 2009: 112). Отличие этих конструкций от более общей модели топикального посессива в том, что стоящий в генитиве посессор составляет с обладаемым, именную группу вида [PR-GEN PE] + [BE], тогда как топикальный посессив имеет общий вид [PR] + [PS] + [BE] (Stassen, 2009: 113).

Локативный же посессив смещает фокус эмпатии (топик) с посессора в сферу обладаемого – в этих конструкциях утверждается наличие Y в сфере обладания X, а не факт того, что Y принадлежит X, что косвенно подтверждается факультативным употреблением бытийного предиката наличия / отсутствия или количества – при его опущении функцию предиката берет на себя обладаемое, а посессор «вытесняется» на периферию предикативной конструкции.

Четвертый, синтаксически переходный, тип предикативно-посессивных конструкций, обозначаемый Стассеном как **the Have-Possessive** (*активный* или *переходный посессив*), имеет вид [*X has an Y*], т.е. [*X владеет Y*], и в тюркских *Esse*-языках отсутствует. Если допустить семантическую эволюцию переходного глагола *иметь* из глаголов «активного обладания» – *держатъ, получать, доставать* и т.д. (Heine, 1997: 48), то в телеутском языке рассматриваемый тип может быть имплицитно выражен конструкциями с этими глаголами и обладаемым в позиции пациенса (часто – в аккумулятиве), например:

⁴ Следует, впрочем, отметить, что Стассен приводит пример локатива при неотчуждаемом обладаемом в другом тюркском языке Сибири – тувинском: *Men-de* (LOC) *üş ugbalarım bar* ‘I have three sisters’ (Stassen, 2009: 76).

(19) тел. *kücü-de* *aba-m* *pistiñ* *mal* *tut-qan*
 маленький-LOC отец-POSS.1SG 1PL.GEN лошадь держать-PST
 ‘Когда я была маленькой, наш отец держал лошадь’ (Шадеева В. Е.).

(20) тел. *ište-bej* *le* *qaj-dañ* *qaj-dañ* *aqça-di*
 работать-CVB.NEG PTCL как-ABL как-ABL деньги-ACC
al-ıp *araqı* *iç-ıp* *ja-lar*
 братъ-CVB водка пить-CVB PRS-3PL
 ‘Не работают, где-нибудь достанут денег – водку пьют’ (Потапова И. М.).

Относительно приближенным к переходному посессиву можно считать конструкции с предикатными именами *bar* и *joq*, хотя обладаемое в предложениях такого типа не принимает роли пациенса, а посессор – агентивной роли⁵. Эти конструкции – скорее, семантические, а не структурные аналоги переходного посессива, ср. «конструкции, выражающие факт наличия чего-либо где-либо, передаю[тся] во всех тюркских языках с помощью слов *бар//йок* (СИГТЯС: 82). Можно допустить, что семантически эти предложения восходят к одной парадоксальной модели [у *X* есть принадлежащий ему *Y*, который существует, либо не существует], т.е. модели генитивного посессива.

Сходную идею о синтаксическом членении предикативных конструкций с генитивным посессивом в турецком языке, что справедливо для большинства тюркских языков, выразил Дж. Льюис. Он отметил, что конструкции вида *Mehmed'in parasi var* ‘У Мехмеда есть деньги’ и *Mehmed'in parasi yok* ‘У Мехмеда нет денег’ не являются сочетанием изафета *Mehmed'in parasi* с предикатом *var / yok*; семантика этих предложений – не [*Mehmed'in parasi*] + [*var / yok*], а [*Mehmed'in*] + [*parasi var / yok*] (цит. по: Stassen, 2009: 121).

Спряжение предикатов наличия *bar / joq* в разных тюркских языках неодинаково. Дополнительные к семантике «наличия / отсутствия» функции глагола-связки обуславливают наличие у них аффиксов сказуемости в отдельных языках, с которыми они образуют полные или частичные парадигмы вида *мен бар-м(ен)* ‘я есть’ (кар.), *сен вар-сын* ‘ты есть’ (гаг.) и т.п. (СИГТЯС: 83). В турецком языке данный предикат наличия функционирует как полнозначный глагол, ср. примеры (1) и (3), где он оформляется аффиксом претерита.

В телеутском языке предикаты *bar* и *joq* являются неизменяемыми:

(21) тел. *fermer-ler* *pistiñ* *joq⁶* *i* *jalan-dar* *tügeze*
 фермер-PL 1PL.GEN EXI.NEG CONJ поле-PL всё
sornyak-tar-minañ *ös* *qal-yan*
 сорняк-PL-INSTR расти AUX-PST
 ‘Фермеров у нас нет, и поля все сорняками заросли’ (Каргин А. Н.).

В прошедшем и будущем временах *joq* дополняется спрягаемой связкой *pol* ‘быть’:

(22) тел. *ji-jeten* *de* *neme* *joq* *kij-eten* *de*
 есть-PTCP PTCL вещь EXI.NEG носить-PTCP PTCL
neme *joq* *pol-yon*
 вещь EXI.NEG COP-PST

⁵ Конструкции с *bar* и *joq* типологически ближе к *the Topic Possessive* (см. примеры 12–14) и его подвиду – *the Genitive Possessive*.

⁶ Инверсия членов изафетной конструкции *pistiñ fermerler* (букв. ‘наши фермеры’) также может объясняться влиянием инвертированных конструкций русского языка, когда обладаемое – логический субъект, ср. *У нас нет фермеров* и *Фермеров у нас нет*; впрочем, это может быть идиолектной особенностью.

‘И еды не было, и из одежды ничего не было’ (Токмашев М. Г.);

(23) тел.	<i>pal-dar</i>	<i>pol-ob-e-ze</i>	<i>aaŋ</i>	<i>üre(n)-gen-i</i>
	ребенок-PL	COP-CVB-AUX-COND	3SG.GEN	study-PTCP-POSS.3SG
	<i>kerek</i>	<i>joq</i>	<i>pol-or</i>	
	нужда	EXI.NEG	COP-FUT	

‘Если дети появятся, ей в учебе нужды не будет’ (Тушманакова Е. Н.).

В утвердительных предложениях предикат *bar* может опускаться (примеры 15 и 16). В настоящем времени *bar* не изменяется, а в прошедшем – дополняется копулой, как и *joq*:

(24) тел.	<i>esli</i>	<i>ün-de</i>	<i>porsiq</i>	<i>par</i>	<i>polyondo</i>	...
	если	нора-LOC	барсук	EXI	COP-PST-LOC	

‘Если в норе был барсук, ...’ (Шадеева В. Е.).

В будущем времени употребление *bar* не типично, вместо него используется связка *bol-*:

(25) тел.	<i>taŋda</i>	<i>pistiŋ</i>	<i>pajram</i>	<i>pol-or</i>
	завтра	1PL.GEN	праздник	COP-FUT

‘Завтра у нас будет праздник’ (пример наш).

В целом, в тюркских языках отмечается контаминация *bar / joq* ‘иметься / отсутствовать’ с бытийным предикатом-копулой *bol-* ‘быть, существовать’, для которого характерна не только бытийная, но и посессивная функция, особенно в прошедшем и будущем временах; напротив, в ряде языков отмечается бытийная функция предиката *bar* (ср. кумыкский и гагаузский примеры выше). В телеутском языке основным средством выражения посессивности можно считать, скорее, генитивный показатель посессора, а не употребление предиката *bar* – последний подчеркивает факт наличия в сфере посессора конкретного обладаемого:

[у *X есть Y?* – да, у *X есть Y*] (логический субъект – предикат наличия),

пример: *aaŋ mašina par ba? – eje, aaŋ (pir) mašina par* ‘у него есть машина? – да, у него есть (одна) машина’, в то время как простая констатация наличия может осуществляться с нулевой предикацией:

[что есть у *X?* – у *X есть Y*] (логический субъект – обладаемое)

пример: *aaŋ qaŋça pala? – aaŋ üc pala* ‘сколько у него детей? – у него трое детей’.

Кроме вышеперечисленных конструкций, в ряде тюркских языков Сибири фигурируют (исключительно в роли предикатов) относительные прилагательные со значением принадлежности, образованные от личных местоимений и имен при помощи аффикса **-niyi* < сочетания аффикса генитива **-niŋ* и аффикса **-yi* с посессивным, локативным и темпоральным значениями. Например, шор. *по трактор колхозтыйы* ‘этот трактор – колхозный (колхозу принадлежащий, колхоза)’; алт. *бу дьол аюныйы* ‘эта тропа медведя, медвежья’ (цит. по: Токмашев, 2015: 31); тув. *бо трактор колхозтуу* ‘этот трактор колхоза, т.е. колхозный, принадлежащий колхозу’ (Серээдар, 2015: 228). С функционально-семантической точки зрения эти прилагательные приближаются к английским абсолютным формам притяжательных местоимений вида *This house is mine*, а также русским просторечиям вроде *еёиный*, *евоный*, *тутошний*, которые имплицитно как относительность, так и посессивность, причем первичной, вероятно, является посессивная семантика, ср. рус. *этот нож – мой* < ‘нож, который принадлежит мне’ и *этот нож – кухонный* < ‘нож, которым пользуются на кухне’ < ‘нож, который принадлежит кухне’.

По свидетельству Н. Серээдар, в современном тувинском языке форма на **-niyi* является более продуктивной, чем использование простого генитива посессора в роли сказуемого:

«В основном информанты тоже предпочитали форму N=ныы, а не N=ның в качестве предиката. В устной речи некоторыми информантами употребляется имя существительное в родительном падеже N=ның, но это – неполные предложения, которые используются в диалоге (Серээдар, 2015: 229). В телеутском корпусе мы не зафиксировали прилагательных с данным аффиксом – вместо него в конструкциях вида *This house is mine* используется только генитив, например: *pu ij meeŋ* ‘этот дом – мой’; *pu jol razreztij* ‘эта дорога – разреза’ и т.д.

Выводы

Предикативные посессивные конструкции в языке телеутов, согласно типологии Стасена, являются синтаксически интранзитивными, т.к. в тюркских языках отсутствуют переходные глаголы со значением посессивности, а отношения предикативной притяжательности выражаются внутри именных групп. В телеутском языке выделяются три основные стратегии кодирования предикативной посессивности: а) локативный посессив; б) комитативный посессив; в) топикальный посессив.

Локативный посессив в презенсе образуется по схеме [PR-LOC + PS + (EXI)/EXI.NEG], где предикат наличия может опускаться, если логический субъект – обладаемое. В прошедшем времени локативный посессив имеет вид [PR-LOC + PS + COP-PST/EXI.NEG COP-PST], а в будущем – [PR-LOC + PS + COP-FUT/EXI.NEG COP-FUT]. Основная функция локативных конструкций – кодирование отчуждаемой посессивности.

Комитативный посессив является синтаксической инверсией локативного и в презенсе образуется по модели [PR + PS-PROP + (NEG)], дополняемой в претерите и футуруме копулами COP-PST и COP-FUT соответственно. Логическим и грамматическим субъектом является посессор.

Топикальный посессив (в форме его разновидности – генитивного посессива) является наиболее частотной стратегией кодирования предикативной посессивности в тюркских языках. Презенс конструкции имеет вид [PR-GEN + PE-POSS + (EXI)/EXI.NEG], претерит – [PR-GEN + PE-POSS + COP-PST/EXI.NEG COP.PST], а футурум – [PR-GEN + PE-POSS + COP-FUT/EXI.NEG COP.FUT].

Формально эта стратегия утверждает наличие / отсутствие изафетной группы [PR-GEN + PE-POSS], которая является топиком высказывания: *meeŋ ij-im / par* ‘у меня есть дом’ < ‘мой дом-мой / существует’, фактически же носителем фокуса эмпатии является посессор ‘мой’ < ‘я’: *meeŋ / ij-im par* ‘мой / дом-мой существует’. Это подтверждается конструкциями с расчлененным изафетом вида *meeŋ / ayaŋtaŋ etken ij-im par* ‘У меня есть деревянный дом’ < ‘мой / из дерева сделанный дом-мой существует’, которые были бы невозможны при топике – атрибутивном сочетании ‘мой дом’. Таким образом, истинным топиком высказывания является только посессор, что позволяет считать такие конструкции топикальными.

Транзитивные конструкции, в которых посессор и обладаемое являются аргументами глагола ‘иметь’, в тюркских языках не распространены. Частным случаем можно считать переходные глаголы с имплицитной посессивной семантикой ‘держат’, ‘получать, доставать’ и т.д.

Обозначения языков

гаг. – гагаузский язык; кар. – караимский язык; тел. – телеутский язык; тув. – тувинский язык; тур. – турецкий язык; як. – якутский язык.

Условные обозначения и сокращения

* – архиморфема; 1 – first person; 2 – second person; 3 – third person; ACC – аккузатив; COM – комитатив; COP – бытийный глагол-связка; CVB – деепричастие; EXI – предикат наличия; EXI.NEG – предикат

отсутствия; FUT – будущее время; GEN – генитив; LOC – локатив; NEG – отрицание; PL – plural; POSS – посессивность; PR / X – посессор; PRS – настоящее время; PROP – проприетив; PS / Y – обладаемое; PST – прошедшее время; PSTP – послелог; PTCL – частица; PTCP – причастие; QUES – вопросительная частица; SG – singular; CONJ – союз; СИГТЯС – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис.

Список литературы

- Heine Bernd. Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization. Cambridge Studies in Linguistics. – New York: Cambridge University Press, 2006. – Vol. 83.
- Stassen Leon. Predicative Possession. – New York: Oxford University Press, 2009.
- Stolz Thomas et al. Split Possession An areal-linguistic study of the alienability correlation and related phenomena in the languages of Europe. Studies in Language Companion Series. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2008. – Vol. 101.
- Бондарко А. В. и др. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996.
- Гаджиева Н. З., Серебрянников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. – М.: Наука, 1986.
- Гращенков П. В. Типология посессивных конструкций // Вопросы языкознания. – 2007. – № 3. – С. 25–54.
- Серээдар Н. Ч. Модель принадлежности элементарных простых предложений в тувинском языке // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20, № 1. – С. 227–231.
- Токмашев Д. М., Лемская В. М. Категория принадлежности в телеутском и чулымско-тюркском языках: именные конструкции // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – Вып. 4 (10). – С. 24–35.
- Токмашев Г. М. Пайаттар чөрчөктери. Телеутские сказки. – Новокузнецк: КузГПА, 2002.

Список информантов

Алтарышева Дарья Васильевна, 1941 г.р.; Каргин Алексей Николаевич, 1940 г.р.; Потапова (Каргина) Ирина Михайловна, 1952 г.р.; Тарасова (Якучакова) Марина Николаевна, 1970 г.р.; Токмашев Михаил Георгиевич, 1941 г.р.; Тушманакова Евдокия Николаевна, 1946 г.р.; Тыдыкова Наталья Николаевна, 1969 г.р.; Шадеева Валентина Егоровна, 1943 г.р.

Токмашев Д. М., кандидат филологических наук, доцент.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: kogutei@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 20.11.2016

Tokmashev D.

ON PREDICATIVE POSSESSION IN TELEUT

The Teleut language belongs to the *Esse*-type languages, which express predicative possessive relations within nominal phrases. It employs three main strategies of predicative possession encoding according to the typology of L. Stassen: the *locational possessive*, the *with-possessive* and the *topic possessive*.

The locational encoding strategy is typically used with an alienable possessee being the grammatical subject with the possessor in indirect locative case. The with-possessive encoding strategy is the syntactical inversion of the locative strategy; its main function is attributive. The most common predicative possessive encoding strategy in Teleut is the topic possessive with its variety – the genitive possessive. Verbal encoding strategy is expressed with the transitive verbs like ‘to keep’, ‘to hold’, ‘to receive’ etc. which have implicit semantics of possession.

Key words: *Turkic languages, Teleut, possessive, predication; information structure and sentence form.*

References

- Heine Bernd.* Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization. Cambridge Studies in Linguistics. – New York: Cambridge University Press, 2006. – Vol. 83.
- Stassen Leon.* Predicative Possession. – New York: Oxford University Press, 2009.
- Stolz Thomas et al.* Split Possession An areal-linguistic study of the alienability correlation and related phenomena in the languages of Europe. Studies in Language Companion Series. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2008. – Vol. 101.
- Bondarko A. V. et al.* Teoriya funktsional'noj grammatiki. Lokativnost'. Bytijnost'. Posessivnost'. Obuslovennost' [Theory of functional grammar. Locativeness. Beingness. Possession. Conditionality]. – Saint-Petersburg: Nauka, 1996. (in Russian)
- Grashhenkov P. V.* Tipologiya posessivnykh konstruksiy [Typology of possessive constructions] // *Voprosy yazykoznanija – Problems of Linguistics.* – 2007. – № 3. – P. 25–54. (in Russian)
- Gadzhieva N. Z., Serebrennikov B. A.* Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Sintaksis [A comparative and historical grammar of Turkic languages. Syntax]. – M.: Nauka, 1986. (in Russian)
- Sereedar N. Ch.* Model' prinadlezhnosti elementarnykh prostykh predlozhenij v tuvinskom yazyke [Possessive model in elementary simple sentences in the Tuvian language] // *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University.* – 2015. – Vol. 20, № 1. – P. 227–231. (in Russian)
- Tokmashev D. M., Lemskaya V. M.* Kategoriya prinadlezhnosti v teleutskom i chulymsko-tyurkskom yazykah: imennye konstruksii [Possessive noun constructions in Teleut and Chulym-Turkic] // *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology.* – 2015. – Vol. 4 (10). – P. 24–35. (in Russian)
- Tokmashev G. M.* Payattar chörchökteri. Teleutskie skazki [Teleut fairy-tales]. – Novokuznetsk, 2002. (in Russian)

Tokmashev D. M.

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: kogutei@yandex.ru